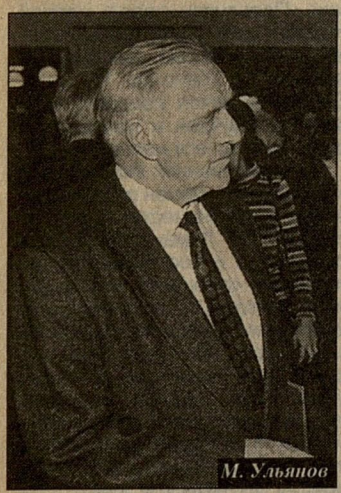

М. Улянов

Куда ж нам плыть?

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Ушли из жизни крупнейшие лидеры того явления, которое называлось русским советским театром. Мы живем в мире без Георгия Товстоногова и Анатолия Эфроса. Мы живем в мире без Иннокентия Смоктуновского, Евгения Евстигнеева, Евгения Леонova, Олега Борисова, Владислава Стрельникова. Вечная им память.

Замолчали многие из тех драматургов, кто определял репертуар театров России последних десятилетий. Одни ушли в журналистику, другие пошли еще дальше, дальше, дальше и стали заниматься бизнесом. Дай им Бог, если они нашли там свой новый путь. А иные еще не нашли своего голоса. В сущности, надо признать, что ни с чем несравнимое десятилетие нашей недавней истории оказалось практически не освещенным ни драмой, ни сценой...

Театры стали зарабатывать, но очень разными способами. Появились откровенно коммерческие продюсерские структуры, преследующие цели наживы: на имени актера, на спекулятивной теме, на возможности бесцензурного эпатажа. Все, что мог заговорить, загоголить. Все слова живого великорусского языка, которые никогда не звучали на нашей сцене, прозвучали, как говорится, во всю глотку. Такого рода новизна очень быстро устареет, перестала удивлять. Кажется, сама основа русской культуры, которую еще в начале века замечательный философ определил как "стыдливую", сопротивлялась нашей разразившейся наглости. Мы испробовали все измы, дали высказаться на сцене всем меньшинствам — в том числе сексуальным. Мы освоили все пласты мировой культуры, мы открыли для мира и для своего собственного прошлого, но при всем при этом главный вопрос не только не притупился, но звучит все с большей и большей остротой. Это вопрос о предназначении русского театра, о его идеальных постулатах, заветных намерениях наших основателей. Идея театра-дома, идея служения, идея бескомпромиссной художественной честности — это все надо теперь отбросить как хлам, не имеющий никакой цены? Это не вопрос словесных баталий. Если хотите, это вопрос нашего внутреннего устройства, нашей новой "жизни в искусстве", которую мы как-то ко-собоко стали складывать.

Эту мысль хочу особо подчеркнуть, потому что в последнее время, прямо перед нашим съездом, в печати развернулась дискуссия о том, что происходит с российским театром. Наши коллеги критики, и некоторые режиссеры, чаще всего молодые и поэтому не обремененные особой памятью, стали недоумевать и иронизировать: что ж это театры стали бастовать и требовать денег, не стыдно ли это? С протянутой рукой ходят, мол, только те, кто не умеет ставить шлагерные спектакли. Вот поставь, как Леонид Трушкин или Григорий Гурвич, и будешь реформатором русской сцены. Ни Трушкин, ни Гурвич, как говорится, ни в чем не виноваты. Они, как и многие другие, занимаются коммерческим театром, которым занимаются везде в мире, и там свои правила, хорошо известные. Я о другом театре и о другой жизни. Какие бы цены мы ни назначали на билеты. Большой театр, МХАТ или Малый, или любой другой крупный стационарный театр, живущий по законам театрального дома, не может себя прокормить. Это аксиома, которая известна каждому мало-мальски грамотному театральному человеку. То, что сегодня происходит, есть удешевление экономическими средствами той модели театра, который порожден не советской властью, а именно Станиславским и Немировичем-Данченко. Коммерческий театр от нас независим и в нашей поддержке не нуждается. Театр-дом нуждается в поддержке общества, государства. Может быть, я уже очень старомодный человек, но мне тошно становится, когда театр трубит во все трубы, что он поставил самый дорогой спектакль в Москве, мне тошно, когда в пример ставят другой театр, требующий от зрителя 250 тысяч за билет, а в то время как половина работников любого театра получают такие деньги за месяц ежедневного труда. Можно, конечно, закрыть наши крупные те-

атры, всем перейти на систему Трушкина. Но к кому мы хотим обращаться? К какой публике? Покорным идею "художественно-общедоступного"? Скажем всем нашим крупным театрам так, как Яша говорит Фирсу в "Вишневом саде": "Чтоб ты быстрее подох, старик!"

Пока одни зарабатывали любой ценой, другие стали устраивать новые отношения с властью. Еще один вид театральной коммерции. Посылка тут была такая: новая для России, власть, мол, у нас теперь небывало прогрессивная, мы ей должны помочь, а она уж нас в беде не оставит. Мы забыли старую еще с греческих времен мудрость, приписываемую ученику Сокра-

харов, Петр Фоменко, Лев Додин, Темура Чхеидзе, Валерий Фокин. Наверное, не до конца осознана и оценена в современной театральной культуре роль Анатолия Васильева. Интересно заявили о себе те, кто пришел в режиссуру сравнительно недавно: Сергей Женовач, Григорий Козлов, Анатолий Праудин, Сергей Арцыбашев. И особенно радует, что это относится не только к столичной сцене. В разных уголках России бурлит творческая жизнь, удивляя самоотверженностью рыцарей театра, фанатиков нашего дела Александра Дзюкуна, Наума Орлова, Рифката Исафилова, Владимира Пахомова, Марселя Салимжанова, Владимира Петрова, Бориса Голубицкого. Много

атры некоторых наших национальных республик.

Но, к сожалению, такое положение в последнее время становится, скорее, исключением, чем правилом. Все чаще и чаще к нам в союз приходит сообщения много рода:

— пять месяцев сидим без зарплаты, за неуплату отключены телефоны;

— не получили отпусков, вынуждены вернуть даже льготные путевки — знаем, что союз мог бы подождать, но людям нечем платить даже за дорогу.

В такой катастрофической ситуации сегодня живут и работают наши коллеги в Иваново и Чите, Костроме и Бурятии, Пскове и Адигее, Благовещенске, Чувашии и даже в Санкт-Петербурге. И адреса этого бедствия множатся.

Как это ни парадоксально, наиболее трудно сейчас приходится театрам республиканского федерального значения. Они в полной мере познали скудость нашего общего кошелька, истощенной чеченской кампанией, избирательными играми и другими неизбежными напастями. До культуры как не было дела, так и нет. Ясно как белей день, что положение это стало хроническим. Приходится здесь, на съезде театральных деятелей России, сказать нашему правительству и самим себе, что в таком виде, в каком сейчас существует театральный система страны, она долго существовать не может. Призыв нашего министра культуры на пороге нынешнего сезона начать "умеренную коммерческую деятельность" у меня лично вызывает сильное сомнение. Во-первых, что значит "умеренная" коммерция? Это что-то вроде как "немного заберем". А мы уже этой коммерцией в самых дурных ее формах болели. Многие столичные театры в поисках средств к существованию превратились в ночные клубы, где гуляют наши новые русские. Приходилось видеть, как ночные гости наших театров садут при входе оружие: вот с такой "вешалкой" начинается ныне театр. Сначала открыли рестораны при театрах, а теперь уже театры существуют при ресторанах и казино. И это чудовищное объединение угрожает сейчас самим основам русской сцены, самой идее русского театра...

Партнер и кресла — все кинит

Последний полагал, что к власти надо относиться, как к огню. "Не подходить слишком близко, чтобы не обжечься, но и уходить слишком далеко, чтобы не замерзнуть".

Одни — "обжигались", другие — "заморзлись". Многие из наших коллег не удержались от искуса того, что называется "хождением во власть". Мало кто преуспел и там: выяснилось, что в нашем брате нуждаются в основном перед выборами. А потом забывают. Большинство "сдохших во власти" сильно разочаровались. Не стоит ни окарываться, ни разочаровываться. Говорю это по собственному немалому опыту. Много лет хаживая я по этим коварным дорожкам, не придеться это делать и тем, кто встанет теперь во главе союза. Без этого пока в России никак не добьешься. Должность председателя союза — это должность не столько театрального деятеля, сколько ходока и проसителя, умеющего, как говорит один большой специалист этого дела, "торговать лицом". Один торгует лицом, другой обжаривается в воображаемых жуковских галереях, о которых шла речь в "Независимой газете" — у кого то приписано на этот случай. Но пока ходишь во власть, искусство уходит в противоположном направлении. Роли, которые ты никогда уже не сыграешь, спектакли, которые ты уже никогда не поставишь, — это тоже расплата и, прямо вам скажу, расплата тяжелая...

Кто же выиграл в эти годы? Только те, кто занимался искусством, кто ответил на все перемены нашей жизни так, как может ответить художник. В Москве, Питере, Челябинске, Ростове-на-Дону, Ульяновске, Воронеже, Липецке — по всей России, слава тебе Господи, не перевелись люди, которые не сговорились, а ремеслом своим продолжают поддерживать репутацию российской сцены. Еще токует артистка Кручинина в "Без вины виноватых", еще "плачет Иеремия", еще решает Раскольников свои мучительные вопросы на сцене Петербургского театра. Еще полны многие наши театры — и это, несмотря на хроническое безденежье и нужду.

Я хочу назвать фамилии наших лидеров. Через все сложности провели свои театры старейшие театральные чехи, не изменившие ни себе, ни лучшим традициям театра — Валентин Плукуч, Андрей Гончаров, Олег Ефремов, Борис Покровский. Не перестают удивлять и радовать нас своей творческой фантазией Марк За-

Поддержка нужна не только в балете (В. Васильев)

держивают, и фестивали проводят. Как по-хозяйски поставили дело в Перми, где опять-таки заботятся и о знаменитом оперном театре, и о новом частном театре Евгения Панфилова. Или Челябинск: стабильность репертуара, его уровень в театре имени Шалигина — с одной стороны, а другой — "Манекен" — который из студенческого театра превратился в муниципальный и получил новое здание. В Липецке, Ульяновске, Омске, Саратове, Самаре, Вологде, Рязани и некоторых других российских городах не просто сохраняют театры, но сохраняют, если хотите, душу русской театральной культуры. Работают и хорошо работают те-

На III съезде СТД

главные вопросы союза.

"А что же вы-то сделали?" — невольно возникает такой вопрос. — Как много остается не решенных нами проблем? Да, много! Но их было бы еще больше, не ведем союз отчаянную борьбу за выживание. Вот этим мы и занимаемся. Теперь настало время решать — какой шаг следующий.

Оглядываясь назад, на 120-летнюю историю нашего братства, можно увидеть несколько путей. В 1904 году, в кризисной предреволюционной ситуации Русское театральное общество решило броситься под державное крыло. Обратились к Николаю Второму, и тот всемогуществом принял нас под свое покровительство. Царь понимал, что делал, и тогда Русское театральное общество стало Императорским русским театральным обществом и на какое-то время сохранилось. В сущности, императорским оно было и при советской власти, если вспомнить все те государственные блага и экономические послабления, которые нам давались.

А теперь куда нам броситься? В ноги к Президенту? Президентское русское театральное общество? Красиво звучит, но не поможет. У нас целый список так называемых объектов национального значения, и все они впадают жалкое существование. Спросите у Малого театра или у чеховского МХАТа, и вы поймете, что через казну нам не спастись.

Значит, надо выживать самим. Некоторые наши предложения по выживанию, а также предложения наших организаций сформулированы были в ходе подготовки к съезду. Суть их, кратко говоря, в следующем.

Мы можем отдать нашу собственность в управление тем, кто умеет этим заниматься более эффективно, а мы будем, как говорится, распределять доход, что мы умели делать десятилетиями. Социальная и творческая деятельность союза должна быть обеспечена материально.

Надо жить по средствам. Сохранить поликлинику, больницу, библиотеку, печатные издания, юридическую службу — это то, что является системой жизнеобеспечения нашей организации. Союз должен обеспечивать эти структуры централизованно, потому что их нельзя потерять. Все остальное — предмет обсуждения. Если наши здравницы стали приносить такие убытки, что не лучше ли избавиться от них, или от какой-то части этих здравниц, и просто доплачивать нашим людям в период отпусков.

Надо ввести строжайший режим экономии. Если стало неподъемно собирать правление союза, то надо сократить этот неэффективный орган и оставить вместо него Совет председателей местных наших организаций. То же самое с секретариатом — зачем нам нужно 40 человек в секретариате, если добрая половина из них вообще не являлась на наши заседания? Нужен очень небольшой и мобильный орган управления союзом — назовите его секретариатом или как-то иначе. Нужны штатные, а

не выборные заместители председателя союза. Опыт показал, что заместители председателя союза должны быть легче смещаемы и назначаемы, чем это было до сих пор. Он должен быть на контракте с союзом.

И, наконец, последнее, так сказать, личное. Десять лет назад я был в Венеции на съездах, когда меня настигла срочная телеграмма и вызов в Москву. Шел очередной съезд ВТО, который стал внеочередным и реформировал Всероссийское театральное общество в Союз театральных деятелей. Как я уже сказал ранее, мне выпала честь руководить союзом в первые десять лет его существования. Я, конечно, был не один. Рядом со мной были люди, с которыми мы работали плечом к плечу, голова к голове. Много было хорошего, много было тяжелого, трудного. Начиная дело, мы сами тогда установили себе исторический лимит нашей власти: не более двух сроков, то есть десяти лет. И вот они закончились. Я не могу уйти с этой трибуны, но благодарив тех, с кем я работал эти годы. Я хочу поблагодарить не только секретарей союза и его центральный аппарат. Я с благодарностью думаю о той группе людей, которые обеспечили выживание союза во всей России — от Петербурга до Владивостока. Клянусь им. Теперь дело за теми, кого мы выберем сегодня. Будем верить, что театральное общество, родившееся 120 лет назад, найдет свой путь и сохранится для людей русского, российского театра, которому оно всегда было призвано служить.

Возвращаясь к теме коммерции, дотаций и государственной поддержки, я бы хотел сказать одну простую вещь. Как и в других делах, тут должна быть какая-то государственная стратегия. Не можете понадеясь шестистам театрам (это ни одно государство, даже богатое, сделать не в состоянии) — признайте это. На государственное содержание возьмите столько, сколько стране или тому или иному городу сейчас по силам. Как ни горько, но мы в театрах должны понять, что содержат наши распухшие и малоуправляемые трупы в том виде, в каком они существуют сейчас, — это дискредитировать саму идею русского репертурного театра. Искусство обычно, оно требует поддержки, но изживенческая театральная психология, которую мы до сих пор верны, абсолютно истощила себя. У нее нет ни малейшей перспективы. Как ни страшно, это должен понять союз, как ни печально, должны понять театры, это должно осознать и претендовать в жизни. Мы совершили ряд тяжелых ошибок в подборе людей на ключевые экономические должности. Мы долго раскачивались, проедая наше богатство и не думая о катастрофе. И вот она подступила, как только возник настоящий рынок и все советские регуляторы перестали действовать. Мы хорошо и со вкусом научились тратить, а зарабатывать не умели. Наши фабрики устарели, их продукция оказалась неконкурентоспособной. Мы вовремя не нашли инвесторов, не модернизировали производство, то есть не сделали тех шагов, которые превращали бы нам не только существование, и платить зарплату своему аппарату, но и быть дееспособным творческим союзом, умеющим отстаивать не только самого себя, но и социальные интересы людей российского театра. Не буду рассказывать вам, сколько бесчисленных мучительных собраний мы провели, чтобы выправить положение. Мы стали спасаться в буквальном смысле слова. Мы сократили численность аппарата по России на 400 человек. Мы стали искать возможности возрождения творческого духа союза — установили конкурную основу для наших творческих проектов и возникли новые формы работы: платные семинары, не материальная, а творческая помощь в организации фестивалей, формирования афиш и так далее. Одна треть федеральных программ идет сейчас за счет местных организаций при активной творческой помощи и участии центрального аппарата. Мы принципиально изменили систему отношений с нашими местными организациями, развязав им руки и дав возможность заниматься коммерцией. Многие организации за эти годы встали на ноги, распорядились умело своей собственностью, сейчас оказываются более жизнеспособными, чем наш центральный аппарат. Самара, Екатеринбург, Нижний Новгород живут лучше, чем мы в Москве. Мы стали заниматься недвижимостью, банковскими операциями, но и тут были ошибки, часть которых была неизбежной данью тому капиталистическому либидо, который мы все проходили. Банки лопались, государственные обещания по налоговым льготам не выдерживались. Одним словом, мы оказались на грани банкротства. Мы не перешли ее, слава Богу, и не канули в небытие, как это сделали большинство других творческих союзов, но мы находимся у самого края. Мы ищем новые формы взаимоотношений, но не можем обеспечить финансово свои идеи. Денег нет, и не будет до тех пор, пока мы не реформируем сам подход к экономической деятельности. Как реформировать — это, на мой взгляд, один из

главные вопросы союза.

"А что же вы-то сделали?" — невольно возникает такой вопрос. — Как много остается не решенных нами проблем? Да, много! Но их было бы еще больше, не ведем союз отчаянную борьбу за выживание. Вот этим мы и занимаемся. Теперь настало время решать — какой шаг следующий.

Оглядываясь назад, на 120-летнюю историю нашего братства, можно увидеть несколько путей. В 1904 году, в кризисной предреволюционной ситуации Русское театральное общество решило броситься под державное крыло. Обратились к Николаю Второму, и тот всемогуществом принял нас под свое покровительство. Царь понимал, что делал, и тогда Русское театральное общество стало Императорским русским театральным обществом и на какое-то время сохранилось. В сущности, императорским оно было и при советской власти, если вспомнить все те государственные блага и экономические послабления, которые нам давались.

А теперь куда нам броситься? В ноги к Президенту? Президентское русское театральное общество? Красиво звучит, но не поможет. У нас целый список так называемых объектов национального значения, и все они впадают жалкое существование. Спросите у Малого театра или у чеховского МХАТа, и вы поймете, что через казну нам не спастись.

Значит, надо выживать самим. Некоторые наши предложения по выживанию, а также предложения наших организаций сформулированы были в ходе подготовки к съезду. Суть их, кратко говоря, в следующем.

Мы можем отдать нашу собственность в управление тем, кто умеет этим заниматься более эффективно, а мы будем, как говорится, распределять доход, что мы умели делать десятилетиями. Социальная и творческая деятельность союза должна быть обеспечена материально.

Надо жить по средствам. Сохранить поликлинику, больницу, библиотеку, печатные издания, юридическую службу — это то, что является системой жизнеобеспечения нашей организации. Союз должен обеспечивать эти структуры централизованно, потому что их нельзя потерять. Все остальное — предмет обсуждения. Если наши здравницы стали приносить такие убытки, что не лучше ли избавиться от них, или от какой-то части этих здравниц, и просто доплачивать нашим людям в период отпусков.

Надо ввести строжайший режим экономии. Если стало неподъемно собирать правление союза, то надо сократить этот неэффективный орган и оставить вместо него Совет председателей местных наших организаций. То же самое с секретариатом — зачем нам нужно 40 человек в секретариате, если добрая половина из них вообще не являлась на наши заседания? Нужен очень небольшой и мобильный орган управления союзом — назовите его секретариатом или как-то иначе. Нужны штатные, а

Неоконченная пьеса для российского Союза

Наталья КАМИНСКАЯ

21 октября в 10.00 в зале Российского академического Молодежного театра открылся III (XVII) съезд СТД РФ. Председатель Михаил Ульянов, приветствуя делегатов, сообщил, что прибыли представители всех региональных отделений за исключением Чечни и Ингушетии, где по известным причинам не смогли провести процедуру избрания делегатов. С особым в нынешних условиях удовольствием съезд приветствовал немногочисленных гостей из суверенных государств: Л.Танюка (Украина), А.Мамбетова (Казахстан), Е.Казанчана и А.Григорьяна (Армения) и А.Дударева (Белоруссия).

Почтили собрание своим присутствием и два высоких должностных лица: советник Президента С.Красавченко и первый заместитель министра культуры К.Шербаков.

Приветствия на съезд прислали: А.Баташов (Союз литераторов России), С.Говорухин (Комитет по культуре Госдумы) и мэр Москвы Ю.Лужков.

Как нетрудно догадаться, мажорные интонации были на нынешнем собрании столь же редки, сколь зеленые листья на октябрьских деревьях. В полном соответствии с триумфом "цыплят по осени считают" доклад о финансовой деятельности союза, сделанный директором Театрального центра М.Александровым, не вызвал у делегатов восторга. Но, впрочем, и скандала тоже не наделал. Сведения о поликлинике, здравницах, домах ветеранов сцены, о том, что все это еще функционирует и даже местами отстраивается, но — накладно, а денег взять неоткуда, никого не удивили.

Положение "аховое", работа проделана большая, выжить почти невозможно — вот контрапункт съезда.

По определению театрального социолога Г.Дадаяна, этот съезд должен был бы выработать функции консилума, который определит диагноз и найдет пути лечения.

Однако, чтобы получить исковое от деятелей театра, необходимо было бы, по крайней мере, провести с делегатами загодя какую-нибудь врачебную подготовку. Стратегия и тактика деятельности союза, прямо скажем, не исчерпываются выбором хороших кандидатов на посты председателя и членов секретариата, хотя, конечно, во многом им, этим выбором, определяются.

Съезд выразил намерение разработать и принять федеральный закон "О театре", а также ускорить прохождение закона "О статусе творческих работников и творческих союзных" с целью правовой защиты российских театров.

Внесено изменение в устав союза: введена должность первого секретаря. Председателем СТД на новый срок избран А.Калинин, первым секретарем — Г.Тараторкин. Свою речь в новом качестве А.Калинин начал с благодарности М.Ульянову. При бурных овациях и востановлении зала Михаил Александрович был избран почетным председателем.

Итак, III (XVII) съезд театральных деятелей России закончил свою работу, с трудом утихнувших в два дня, ибо на большее количество времени не хватило средств. Театральное братство в который уже раз, к счастью, не распалось. Для многих актеров и режиссеров провинции это была единственная за последние годы возможность увидеть своих коллег.

Хотелось бы им поглядеть и на больших культурных чародейников. Но те, за редким исключением, блеснули своим отсутствием. Обозначил на этот раз съезд и без ставших почти обязательными президентскими и правительственными приветствиями. Причина, в общем-то, понятна. Вопросы стали бы задавать про деньги, а отвечать особенно нечего, а посылать приветствия вместо денег и вовсе неудобно.

Были и прямые, конструктивные направления, то хотя бы точной оценки нынешнего положения вещей. Так, критик Б.Покровский внес серьезные предложения по совершенствованию устава в сторону большей демократизации. Театровед В.Иванов, в свою очередь, поставил в

вину прежнему руководству союза бедственное состояние журнала "Театр" и уникальной Центральной научной библиотеки СТД — в помещении последней проваливаются полы и до сих пор нет компьютеров, в то время как аппарат СТД оснащен современным оборудованием. А критик М.Дмитревская обратилась к съезду с просьбой поддержать гибнущий "Санкт-Петербургский театральный журнал".

Однако деловые ноты тоновили в какофонии случайных, мало относящихся к делу речей. То артист С.Проханов, руководитель театра "Луны", сетовал на отсутствие в театрах туалетной бумаги и призывал возобновить работу председателя об этом помянуть. То Вл.Репентер, руководитель Пушкинского центра в Санкт-Петербурге, просил всех поставить произведения поэта, чтобы нестыдно было смотреть в глаза Александру Сергеевичу.

То артист Самарского театра драмы О.Савилов жаловался, что к ним пришел плохой художественный руководитель.

В такой разногласии съезд вступил во второй день — судьбоносный день выборов. В кулуарах к тому времени вполне естественно созрела идея угорловать М.Ульянова остаться на посту еще на один срок. Увы, Михаил Александрович снял свою кандидатуру.

Из выдвинутых съездом остались: Ю.Соломин, Г.Тараторкин, А.Калинин и директор Дома актера М.Эскин.

В этот момент прозвучала еще одна конструктивная мысль, на этот раз из уст артиста Е.Лазарева, который предложил кандидатам изложить свои программы. И опять ничего из этого не вышло. Это естественно — программы надо обдумывать и гото-

Мы — актеры, наше место — в буфете

проделана большая, выжить почти невозможно — вот контрапункт съезда.

По определению театрального социолога Г.Дадаяна, этот съезд должен был бы выработать функции консилума, который определит диагноз и найдет пути лечения.

Однако, чтобы получить исковое от деятелей театра, необходимо было бы, по крайней мере, провести с делегатами загодя какую-нибудь врачебную подготовку. Стратегия и тактика деятельности союза, прямо скажем, не исчерпываются выбором хороших кандидатов на посты председателя и членов секретариата, хотя, конечно, во многом им, этим выбором, определяются.

Съезд выразил намерение разработать и принять федеральный закон "О театре", а также ускорить прохождение закона "О статусе творческих работников и творческих союзных" с целью правовой защиты российских театров.

Внесено изменение в устав союза: введена должность первого секретаря. Председателем СТД на новый срок избран А.Калинин, первым секретарем — Г.Тараторкин. Свою речь в новом качестве А.Калинин начал с благодарности М.Ульянову. При бурных овациях и востановлении зала Михаил Александрович был избран почетным председателем.

Итак, III (XVII) съезд театральных деятелей России закончил свою работу, с трудом утихнувших в два дня, ибо на большее количество времени не хватило средств. Театральное братство в который уже раз, к счастью, не распалось. Для многих актеров и режиссеров провинции это была единственная за последние годы возможность увидеть своих коллег.

Хотелось бы им поглядеть и на больших культурных чародейников. Но те, за редким исключением, блеснули своим отсутствием. Обозначил на этот раз съезд и без ставших почти обязательными президентскими и правительственными приветствиями. Причина, в общем-то, понятна. Вопросы стали бы задавать про деньги, а отвечать особенно нечего, а посылать приветствия вместо денег и вовсе неудобно.

Были и прямые, конструктивные направления, то хотя бы точной оценки нынешнего положения вещей. Так, критик Б.Покровский внес серьезные предложения по совершенствованию устава в сторону большей демократизации. Театровед В.Иванов, в свою очередь, поставил в

не выборные заместители председателя союза. Опыт показал, что заместители председателя союза должны быть легче смещаемы и назначаемы, чем это было до сих пор. Он должен быть на контракте с союзом.

И, наконец, последнее, так сказать, личное. Десять лет назад я был в Венеции на съездах, когда меня настигла срочная телеграмма и вызов в Москву. Шел очередной съезд ВТО, который стал внеочередным и реформировал Всероссийское театральное общество в Союз театральных деятелей. Как я уже сказал ранее, мне выпала честь руководить союзом в первые десять лет его существования. Я, конечно, был не один. Рядом со мной были люди, с которыми мы работали плечом к плечу, голова к голове. Много было хорошего, много было тяжелого, трудного. Начиная дело, мы сами тогда установили себе исторический лимит нашей власти: не более двух сроков, то есть десяти лет. И вот они закончились. Я не могу уйти с этой трибуны, но благодарив тех, с кем я работал эти годы. Я хочу поблагодарить не только секретарей союза и его центральный аппарат. Я с благодарностью думаю о той группе людей, которые обеспечили выживание союза во всей России — от Петербурга до Владивостока. Клянусь им. Теперь дело за теми, кого мы выберем сегодня. Будем верить, что театральное общество, родившееся 120 лет назад, найдет свой путь и сохранится для людей русского, российского театра, которому оно всегда было призвано служить.

Возвращаясь к теме коммерции, дотаций и государственной поддержки, я бы хотел сказать одну простую вещь. Как и в других делах, тут должна быть какая-то государственная стратегия. Не можете понадеясь шестистам театрам (это ни одно государство, даже богатое, сделать не в состоянии) — признайте это. На государственное содержание возьмите столько, сколько стране или тому или иному городу сейчас по силам. Как ни горько, но мы в театрах должны понять, что содержат наши распухшие и малоуправляемые трупы в том виде, в каком они существуют сейчас, — это дискредитировать саму идею русского репертурного театра. Искусство обычно, оно требует поддержки, но изживенческая театральная психология, которую мы до сих пор верны, абсолютно истощила себя. У нее нет ни малейшей перспективы. Как ни страшно, это должен понять союз, как ни печально, должны понять театры, это должно осознать и претендовать в жизни. Мы совершили ряд тяжелых ошибок в подборе людей на ключевые экономические должности. Мы долго раскачивались, проедая наше богатство и не думая о катастрофе. И вот она подступила, как только возник настоящий рынок и все советские регуляторы перестали действовать. Мы хорошо и со вкусом научились тратить, а зарабатывать не умели. Наши фабрики устарели, их продукция оказалась неконкурентоспособной. Мы вовремя не нашли инвесторов, не модернизировали производство, то есть не сделали тех шагов, которые превращали бы нам не только существование, и платить зарплату своему аппарату, но и быть дееспособным творческим союзом, умеющим отстаивать не только самого себя, но и социальные интересы людей российского театра. Не буду рассказывать вам, сколько бесчисленных мучительных собраний мы провели, чтобы выправить положение. Мы стали спасаться в буквальном смысле слова. Мы сократили численность аппарата по России на 400 человек. Мы стали искать возможности возрождения творческого духа союза — установили конкурную основу для наших творческих проектов и возникли новые формы работы: платные семинары, не материальная, а творческая помощь в организации фестивалей, формирования афиш и так далее. Одна треть федеральных программ идет сейчас за счет местных организаций при активной творческой помощи и участии центрального аппарата. Мы принципиально изменили систему отношений с нашими местными организациями, развязав им руки и дав возможность заниматься коммерцией. Многие организации за эти годы встали на ноги, распорядились умело своей собственностью, сейчас оказываются более жизнеспособными, чем наш центральный аппарат. Самара, Екатеринбург, Нижний Новгород живут лучше, чем мы в Москве. Мы стали заниматься недвижимостью, банковскими операциями, но и тут были ошибки, часть которых была неизбежной данью тому капиталистическому либидо, который мы все проходили. Банки лопались, государственные обещания по налоговым льготам не выдерживались. Одним словом, мы оказались на грани банкротства. Мы не перешли ее, слава Богу, и не канули в небытие, как это сделали большинство других творческих союзов, но мы находимся у самого края. Мы ищем новые формы взаимоотношений, но не можем обеспечить финансово свои идеи. Денег нет, и не будет до тех пор, пока мы не реформируем сам подход к экономической деятельности. Как реформировать — это, на мой взгляд, один из

главные вопросы союза.

вита заранее, а артисты, понятное, сильны больше по части эмоций.

Впрочем, А.Калинин все же попытался сформулировать курс на сохранение и приумножение имущества союза.

На том и разошлись, дабы исполнить акт тайного голосования. Поздним вечером были оглашены окончательные итоги. Съезд решил обратиться в Генпрокуратуру РФ с просьбой принять меры по факту нарушения Закона о бюджете на 1996 год. Речь идет о снижении объема финансирования до 0,3% против положенных 25%. Решено направить резолюцию съезда и в Правительство РФ.

Съезд выразил намерение разработать и принять федеральный закон "О театре", а также ускорить прохождение закона "О статусе творческих работников и творческих союзных" с целью правовой защиты российских театров.

Внесено изменение в устав союза: введена должность первого секретаря. Председателем СТД на новый срок избран А.Калинин, первым секретарем — Г.Тараторкин. Свою речь в новом качестве А.Калинин начал с благодарности М.Ульянову. При бурных овациях и востановлении зала Михаил Александрович был избран почетным председателем.

Итак, III (XVII) съезд театральных деятелей России закончил свою работу, с трудом утихнувших в два дня, ибо на большее количество времени не хватило средств. Театральное братство в который уже раз, к счастью, не распалось. Для многих актеров и режиссеров провинции это была единственная за последние годы возможность увидеть своих коллег.

Хотелось бы им поглядеть и на больших культурных чародейников. Но те, за редким исключением, блеснули своим отсутствием. Обозначил на этот раз съезд и без ставших почти обязательными президентскими и правительственными приветствиями. Причина, в общем-то, понятна. Вопросы стали бы задавать про деньги, а отвечать особенно нечего, а посылать приветствия вместо денег и вовсе неудобно.

Были и прямые, конструктивные направления, то хотя бы точной оценки нынешнего положения вещей. Так, критик Б.Покровский внес серьезные предложения по совершенствованию устава в сторону большей демократизации. Театровед В.Иванов, в свою очередь, поставил в

не выборные заместители председателя союза. Опыт показал, что заместители председателя союза должны быть легче смещаемы и назначаемы, чем это было до сих пор. Он должен быть на контракте с союзом.

И, наконец, последнее, так сказать, личное. Десять лет назад я был в Венеции на съездах, когда меня настигла срочная телеграмма и вызов в Москву. Шел очередной съезд ВТО, который стал внеочередным и реформировал Всероссийское театральное общество в Союз театральных деятелей. Как я уже сказал ранее, мне выпала честь руководить союзом в первые десять лет его существования. Я, конечно, был не один. Рядом со мной были люди, с которыми мы работали плечом к плечу, голова к голове. Много было хорошего, много было тяжелого, трудного. Начиная дело, мы сами тогда установили себе исторический лимит нашей власти: не более двух сроков, то есть десяти лет. И вот они закончились. Я не могу уйти с этой трибуны, но благодарив тех, с кем я работал эти годы. Я хочу поблагодарить не только секретарей союза и его центральный аппарат. Я с благодарностью думаю о той группе людей, которые обеспеч